

Николай Гоголь. Нос.

**заповесь
Александра Пономарева
по произведениям
Н. Гоголя, В.Набокова, И. Анненского,
В. Хлебникова, Д. Хармса, Ф. Шиллера, Э.-А.Гофмана**

«Чет-нечет», Москва, 1988 год.

Лица:

Шиллер

Гофман

Гоголь

Плоскость I.

«па-люди»

- Гофман** Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю её,
Когда у кого-нибудь нет носу
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее -
Он, лишенный души!
- Гоголь** Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною!
Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не
слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они
от меня, бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах,
я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится предо
мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как
вихорь коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса
кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, далее, чтобы не видно
было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка
сверкает вдали, лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый
туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны
море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли мой то
синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего
бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри,
как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет
места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном
дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?
- Шиллер** Николай Гоголь умер в Москве, в четверг, около восьми часов утра, 4
марта 1852 г. Он не дожил до сорока трех лет. Крайнее физическое
истощение в результате голодовки (которую он объявил в припадке
черной меланхолии, желая побороть дьявола) вызвало острейшую

анемию мозга (вместе, по-видимому, с гастроэнтеритом), а лечение, которому его подвергли — мощные слабительные и кровопускания, — ускорило смертельный исход: организм больного был и без того подорван малярией и недоеданием. Парочка чертовски энергичных врачей, которые прилежно лечили его, словно он был просто помешанным (несмотря на тревогу более умных, но менее деятельных коллег), пыталась добиться перелома в душевной болезни пациента, не заботясь о том, чтобы укрепить его ослабленный организм. Лет за пятнадцать до этого медики лечили Пушкина, раненного в живот, как ребенка, страдающего запорами. В ту пору еще верховодили посредственные немецкие и французские лекари, а замечательная школа великих русских медиков только начиналась.

С полным непониманием симптомов болезни и явно предвосхищая методы Шарко, доктор Овер погружал больного в теплую ванну, там ему поливали голову холодной водой, после чего укладывали его в постель, прилепив к носу полдюжины жирных пиявок. Больной стонал, плакал, беспомощно сопротивлялся, когда его иссохшее тело (можно было через живот прощупать позвоночник) тащили в глубокую деревянную бадью; он дрожал, лежа голый в кровати, и просил, чтобы сняли пиявок, — они свисали у него с носа и попадали в рот.

Гоголь - Снимите, поднимите!

Шиллер ...стонал он, судорожно слясь их смахнуть, так что за руки его пришлось держать здоровенному помощнику тучного Овера.

Гофман Наша месть
гибель уха
глухота
гибель носа
носота
гибель нёба
немота
гибель слёпа
слепота

Шиллер Мы можем вообразить, что он чувствовал, если вспомним, что всю жизнь его донимало отвращение ко всему слизистому, ползучему, увертливому, причем это отвращение имело даже религиозную подоплеку.

Гофман Лоб изменялся
рог извивался
об кверху рос и лес был нос
и рог стал гнуться
рог стал гнуться
стал гнуться
а лоб стал шире и кофа был гриб
а рог склонялся
из прямого стал кривым
чем выше и шире лоб
тем кривее рог
и что бы это значило
что рог стал кружочком
а лоб стал мешочком
Ау! Ау! лоб очень высокий
и рог сосал его жевительные соки.

Шиллер В детстве он задушил и закопал в землю голодную, пугливую кошку не потому, что был от природы жесток, а потому, что мягкая вертлявость бедного животного вызывала у него тошноту. Выгнутая спина худой черной кошки, безвредная рептилия с пульсирующим горлом или опять же хилые конечности и бегающие глазки мелкого жулика (раз тщедушный — наверняка жулик) невыносимо раздражали Гоголя из-за сходства с чертом. А то, что его дьявол был из породы мелких чертей, которые чудятся русским пьяницам, снижает пафос того религиозного подъема, который он приписывал себе и другим. На свете есть множество диковинных, но вполне безвредных божков с чешуей, когтями и даже раздвоенными копытами, но Гоголь никогда этого не признавал. Вот почему есть что-то до ужаса символическое в пронзительной сцене, когда умирающий тщетно пытался скинуть чудовищные черные гроздья червей, присосавшихся к его ноздрям.. И хоть картина эта неприглядна и бьет на жалость, что мне всегда претило, я вынужден ее описать, чтобы вы почувствовали до странности телесный характер его гения. Живот — предмет обожания в его рассказах, а нос — герой-любовник. Желудок всегда был самым знатным внутренним органом писателя, но теперь от этого желудка, в сущности, ничего не осталось,

Гофман ...а с ноздрей свисали черти.

Шиллер За несколько месяцев перед смертью он так измучил себя голодом, что желудок напрочь потерял вместительность, которой прежде славился,

ибо никто не всасывал столько макарон и не съедал столько вареников с вишнями, сколько этот худой малорослый человек (вспомним "небольшие брюшки", которыми он наградил своих щуплых Добчинского и Бобчинского). Его большой и острый нос был так длинен и подвижен, что в молодости (изображая в качестве любителя нечто вроде "человека-змеи") он умел пренеприятно доставать его кончиком нижней губы; нос был самой чуткой и приметной чертой его внешности.

- Гоголь** Обостренное ощущение носа в конце концов вылилось в повесть "Нос" — поистине гимн этому органу.
- Шиллер** Он был таким длинным и острым, что умел самостоятельно, без помощи пальцев, проникать в любую, даже самую маленькую табакерку, если, конечно, щелчком не отваживали незваного гостя (о чем Гоголь игриво сообщает в письме одной молодой даме). Фрейдист мог бы утверждать, что в вывернутом наизнанку мире Гоголя человеческие существа поставлены вверх ногами (в 1841 г. Гоголь хладнокровно заверял, будто консилиум парижских врачей установил, что его желудок лежит "вверх ногами"), и поэтому роль носа, очевидно, выполняет другой орган, и наоборот. Надо иметь в виду, что нос как таковой с самого начала казался ему чем-то комическим (как, впрочем, и любому русскому), чем-то отдельным, чем-то не совсем присущим его обладателю и в то же время (тут мне приходится сделать уступку фрейдистам) чем-то сугубо, хотя и безобразно мужественным.
- Гофман** Обидно читать, как, описывая: хорошенькую девушку, Гоголь хвалит ее за плавность черт гладкого, как яйцо, лица.(читает по списку) «Заруби себе на носу» . «Тому виднее, у кого нос длиннее», «Большой нос - через Волгу мост или — сто лет рос» . « В носу свербит к радостной вести, и ежели на кончике вскочит прыщ, то — вино пить». «Оставляю вас с носом». или «Не вешай носа».или. «Не давай водить себя за нос.
- Шиллер** Когда он рвал розы в саду у Аксакова и его руки коснулась холодная черная гусеница, он с воплем кинулся в дом. В Швейцарии он провел целый день, убивая ящериц, выползавших на солнечные горные тропки. Трость, которой он для этого пользовался, можно видеть на дагерротипе, снятом в Риме в 1845 г. Весьма элегантная вещица.
- Гофман** Подымается протяжно
В белом саване мертвец
Кости пыльные он важно
Оттирает, молодец!

- Шиллер** На этом снимке он изображен в три четверти и держит в тонких пальцах правой руки изящную трость с костяным набалдашником (словно трость — писчее перо).
- Гофман** Длинные, но аккуратно приглаженные волосы с левой стороны разделены пробором. Неприятный рот украшен тонкими усиками. Нос большой, острый, соответствует прочим резким чертам лица.
- Шиллер** Темные тени вроде тех, что окружают глаза романтических героев старого кинематографа, придают его взгляду глубокое и несколько затравленное выражение. На нем сюртук с широкими лацканами и франтовской жилет. И если бы блеклый отпечаток прошлого мог расцвести красками, мы увидели бы бутыльно-зеленый цвет жилета с оранжевыми и пурпурными искрами,
- Гофман** ...мелкими синими глазками.
- Шиллер** в сущности, он напоминает кожу какого-то заморского пресмыкающегося.

Плоскость II. **«прочие сведения»**

- Гоголь** Ну что ж, мне нравится. Неплохо. Но я думаю, надо рассказать, в чем там дело. В конце концов, должно быть что-нибудь вроде библиографии или хронологии.
- Шиллер** Любой интеллигентный человек может найти даты и прочие сведения в хорошей энциклопедии или в любом учебнике по русской литературе (цитирует учебник) «В повести Нос ведущей является тема утраты и возвращения внешней значительности личности при неизменном ее внутреннем ничтожестве. В резко гротескной манере Гоголь разоблачает чиновничество, карьеризм, ничтожность жизни чиновничества и вообще состоятельных сословий царской России.»
- Гоголь** Будут недовольны, если вы заставите еще о чем-то справляться.
- Шиллер** Кто как!
- Гоголь** Все они одним миром мазаны. Им захочется узнать — о чем же все это. Я имею в виду сюжет.

- Шиллер** В произведениях Гоголя подлинные сюжеты кроются за очевидными. Его рассказы только подражают сюжетным рассказам. Это как редкостный мотылек, который, отказавшись от своего внешнего облика, подражает внешнему облику существа совершенно другой породы – скажем, какой-нибудь популярной бабочке... или, вернее непопулярной, непопулярной у ящериц или птиц.
- Гоголь** Ну да, понятно. Я все понимаю. Но в конце концов, сюжет есть сюжет, надо рассказать, что происходит. И нам нужен его портрет.
- Гофман** Да, давайте дадим портрет Гоголевского Носа. Ни головной, ни поясной и прочее, а только его носа. Большой, одинокий, острый нос, четко нарисованный чернилами, как увеличенное изображение какого-то важного органа необычной зоологической особи.
- Гофман** Нос – это когда нечто входит в ничто.
Сон – это когда ничто входит в нечто.

Плоскость III. «Иван Яковлевич»

- Гоголь** Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие. Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте...
- Гофман** Фамилия его утрачена, и даже на вывеске его - где изображен господин с запыленной щекою и надписью: "И кровь отворяют" - не выставлено ничего более
- Гоголь** ... цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама...
- Шиллер** ...очень любившая пить кофе
- Гоголь** вынимала из печи только что испеченные хлебы. - Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, - сказал Иван Яковлевич, - а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

- Гофман** То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.
- Шиллер** "Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше, - подумала про себя супруга, - останется кофию лишняя порция".
- Гофман** И бросила один хлеб на стол.
- Гоголь** Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб.... Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. "Плотное! - сказал он сам про себя, - что бы это такое было?" Он засунул пальцы и вытащил - нос!..
- Гофман** Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще казалось, как будто чей-то знакомый, Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.
- Шиллер** - Где это ты, зверь, отрезал нос? - закричала она с гневом. - Мошенник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.
- Гофман** Но Иван Яковлевич был ни жив ни мертв. Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую среду и воскресенье. - Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок: пусть там маленечко полежит, а после его вынесу.
- Шиллер** - И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?.. Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!
- Гоголь** Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал - и не знал, что подумать. - Черт его знает, как это сделалось, - сказал он наконец, почесав рукою за ухом. - Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть

происшествие несбыточное: ибо хлеб - дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..

- Гофман** Иван Яковлевич замолчал. Мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, привела его в совершенное беспамятство. Уже ему мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом.
- Шиллер** Наконец достал он свое исподнее платье и сапоги, наташил на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увещаниями Прасковьи Осиповны, завернул нос в тряпку и вышел на улицу.
- Гоголь** Он хотел его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок. Но, на беду, ему попался какой-нибудь знакомый человек, который начинал тотчас запросом:
- Гофман** "Куда идешь?", или "Кого так рано собрался брить?"
- Гоголь** - так что Иван Яковлевич никак не мог улучшить минуты. В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще издали указал ему алебардою, примолвив: "Подыми! вон ты что-то уронил!" И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман. Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере того как начали отпираться магазины и лавочки. Он решил идти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?..
- Шиллер** Но я несколько виноват, что до сих пор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеке почтенном во многих отношениях.
- Гофман** Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный.
- Шиллер** И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно небрит. Фрак у Ивана Яковлевича...
- Гофман** ...Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке...
- Шиллер** ...был пегий
- Гофман** ...то есть он был черный, ..
- Шиллер** ... но весь в коричнево-желтых..

- Гофман** ... и серых...
- Шиллер** ...яблоках; воротник лоснился...
- Гофман** ...а вместо трех пуговиц висели одни толькониточки.
- Шиллер** Иван Яковлевич был большой циник, и когда коллежский ассессор...
- Гоголь** ...Ковалев обыкновенно говорил ему во время бритья: "У тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки!" - то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: "Отчего ж бы им вонять?" - "Не знаю, братец, только воняют", - говорил коллежский ассессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бороною - одним словом, где только ему была охота.
- Шиллер** Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту.
- Гоголь** Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся на перила,
- Гофман** будто бы посмотреть под мост: много ли рыбы бегают,
- Гоголь** и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд; Иван Яковлевич даже усмехнулся. Вместо того чтобы идти брить чиновничьи подбородки, он отправился в заведение с надписью "Кушанье и чай" спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального надзирателя благородной наружности, с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою.
- Гофман** Он обмер;
- Гоголь** ...а между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил: - А подойди сюда, любезный!
- Гофман** Иван Яковлевич, зная форму, снял издали еще картуз и, подошевши проворно, сказал: - Желая здравия вашему благородию!
- Гоголь** - Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?

- Гофман** - Ей-богу, сударь, ходил бриться, да посмотрел только, шибко ли река идет.
- Гоголь** - Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!
- Гофман** - Я вашу милость два раза в неделю, или даже три, готов брить без всякого прекословия
- Гоголь** - Нет, приятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот изволь-ка рассказать, что ты там делал?
- Гофман** Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно.

Плоскость IV.
«обе особы»

- Шиллер** Перед ним сидел Шиллер...
- Гофман** Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Моя жена бежит в смертельном страхе.
К нам в дом явился этот Вольфеншиссен.
Он приказал ей баню затопить,
И стал ее любви он домогаться.
Но, вырвавшись, она скорей ко мне!
Тут я бегом домой — и топором
По голове благословил злодея.
- Шиллер** - не тот Шиллер, который написал "Вильгельма Телля" и "Историю Тридцатилетней войны", но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман,

Гофман - О Серпентина, Серпентина! - закричал студент Ансельм в безумном восторге; но архивариус Линдгорст быстро дунул на зеркало, лучи с электрическим треском опять вошли в фокус, и на руке сверкнул только маленький изумруд, на который архивариус натянул перчатку. - Видели ли вы золотых змеек, господин Ансельм? - спросил архивариус Линдгорст. - Боже мой! да, - отвечал тот, - и дорогую, милую Серпентину...

Шиллер - не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на стуле, топая ногою и говоря что-то с жаром. Шиллер сидел, выставив свой довольно толстый нос и поднявши вверх голову; а Гофман держал его за этот нос двумя пальцами и вертел лезвием своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Обе osoby говорили на немецком языке.

Гофман Впрочем, слова Шиллера заключались вот в чем. "Я не хочу, мне не нужен нос! У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. И я плачу в русский скверный магазин, потому что немецкий магазин не держит русского табаку, я плачу в русский скверный магазин за каждый фунт по сорок копеек; это будет рубль двадцать копеек; двенадцать раз рубль двадцать копеек - это будет четырнадцать рублей сорок копеек. Слышишь, друг мой Гофман? на один нос четырнадцать рублей сорок копеек! Да по праздникам я нюхаю рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русский скверный табак. В год я нюхаю два фунта рапе, по два рубля фунт. Шесть да четырнадцать - двадцать рублей сорок копеек на один табак. Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли? - Гофман, который сам был пьян, отвечал утвердительно.- Двадцать рублей сорок копеек! Я швабский немец; у меня есть король в Германии. Я не хочу носа! режь мне нос! вот мой нос!"

Гоголь - Вы извините меня...

Шиллер - Пошел вон! - отвечал протяжно Шиллер.

Гоголь - Мне странно, милостивый государь... вы, верно, не заметили...я офицер...

Шиллер - Что такое офицер! Я - швабский немец. Мой сам (при этом Шиллер ударил кулаком по столу) будет офицер: полтора года юнкер, два

года поручик, и я завтра сейчас офицер. Но я не хочу служить. Я с офицером сделает этак: фу!

Гофман -фу!

Плоскость V.
«майор Ковалев»

Гоголь Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: "брр..." - что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал шупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к оберполицмейстеру.

Шиллер Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощи ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежские асессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах. Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором. "Послушай, голубушка, - говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, - ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? - тебе всякий покажет". Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: "Ты спроси,

душенька, квартиру майора Ковалева". По этому-то самому и мы будем вперед этого коллежского асессора называть майором.

Гофман Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, которые имеют полные, румяные щеки и очень хорошо играют в бостон: эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: среда, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то - экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте. Майор Ковалев был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала. И потому читатель теперь может судить сам, каково было положение этого майора, когда он увидел вместо довольно недурного и умеренного носа преглупое, ровное и гладкое место.

Гоголь Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он должен был идти пешком, закутавшись в свой плащ и закрывши платком лицо, показывая вид, как будто у него шла кровь. "Но авось-либо мне так представилось: не может быть, чтобы нос пропал сдуру", - подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотретья в зеркало. К счастью, в кондитерской никого не было;

Шиллер ...мальчишки мели комнаты и расставляли стулья;

Гофман ...некоторые с сонными глазами выносили на подносах горячие пирожки; на столах и стульях валялись залитые кофеом вчерашние газеты.

Шиллер "Ну, слава богу, никого нет, - произнес он, - теперь можно поглядеть". Он робко подошел к зеркалу и взглянул. "Черт знает что, какая дрянь! - произнес он, плюнувши.- Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!.."

Гоголь С досадою закусив губы, вышел он из кондитерской и решился, против своего обыкновения, не глядеть ни на кого и никому не улыбаться.

Плоскость VI.
«казанский собор»

Гофман «Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице». Гм... Согнувшись... и выпрыгнул...

Шиллер -«Побежал по лестнице»

Гоголь -То-то побежал... по лестнице...

Шиллер Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!

Гофман -Чей нос?... А-а!... майора Ковалёва... « При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, всё переверотилось у него в глазах; он чувствовал, что едва мог стоять; но решился во что бы то ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа, как в лихорадке.

Гоголь Чрез две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: "Подавай!" - сел и уехал.

Шиллер Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии.

Гофман Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, - был в мундире!

Шиллер Он побежал за каретою, которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

Гофман Ну, то-то. Дальше, дальше, хорошо-с...

- Шиллер** - Да что же дальше? Дальше ничего. Ну в Казанский собор заехал, Богу помолиться.
- Гофман** - Богу? Великолепно... Завлек на паперть?... Разве это, так сказать, не пасквильный намек?
- Шиллер** Какой намек, бог с вами!
- Гофман** - Да вот, старухи-то эти с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз... «Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь». Вот какой намек...
- Шиллер** Вот нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.
- Гоголь** "Как подойти к нему? - думал Ковалев.- По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Черт его знает, как это сделать!" - Милостивый государь...- милостивый государь...
- Шиллер** - Что вам угодно? –
- Гоголь** - Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу, и где же? - в церкви. Согласитесь...
- Шиллер** - Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь.
- Гоголь** "Как мне ему объяснить?" - Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь. (При этом майор Ковалев пожал плечами.) Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...
- Шиллер** - Ничего решительно не понимаю, Изъяснитесь удовлетворительнее.

- Гоголь** - Милостивый государь... - я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!
- Гофман** Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились.
- Шиллер** - Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству.
- Гофман** Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.
- Гоголь** Ковалев совершенно смешался, не зная, что делать и что даже подумать.
- Гофман** В это время послышался приятный шум дамского платья; подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая, в белом платье, очень мило рисовавшемся на ее стройной талии, в палевой шляпке, легкой, как пирожное. За ними остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами и целой дюжиной воротников.
- Гоголь** Ковалев подступил поближе, высунул батистовый воротничок манишки...
- Гофман** ...поправил висевшие на золотой цепочке свои печатки...
- Гоголь** ...и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легонькую даму...
- Гофман** ...которая, как весенний цветочек, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою беленькую ручку с полупрозрачными пальцами.
- Гоголь** Улыбка на лице Ковалева раздвинулась еще далее, когда он увидел из-под шляпки ее кругленький, яркой белизны подбородок и часть щеки осененной цветом первой весенней розы. Но вдруг он отскочил, как будто бы обжегшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его. Он оборотился с тем, чтобы напрямик сказать господину в мундире, что он только прикинулся статским советником, что он плут и подлец и что он больше ничего, как только его собственный нос...
- Гофман** Но носа уже не было; он успел ускакать, вероятно опять к кому-нибудь с визитом.

- Шиллер** Это повергло Ковалева в отчаяние. Он пошел назад и остановился с минуту под колоннадою, тщательно смотря во все стороны, не попадется ли где нос. Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем; но шинель не заметил, ни цвета его кареты, ни лошадей, ни даже того, был ли у него сзади какой-нибудь лакей и в какой ливрее. Притом карет неслось такое множество взад и вперед и с такою быстротою, что трудно было даже приметить; но если бы и приметил он какую-нибудь из них, то не имел бы никаких средств остановить. День был прекрасный и солнечный. На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста.
- Гоголь** Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо ежели то случалось при посторонних. Вон и Ярыгин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь. Вон и другой майор, получивший на Кавказе ассессорство, махает рукой, чтобы шел к нему... - А, черт возьми! - Эй, извозчик, вези прямо к обер-полицмейстеру!
- Гоголь** Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: "Валяй во всю ивановскую!"
- У себя обер-полицмейстер? - вскричал он, зашедши в сени.
- Гофман** - Никак нет, - отвечал привратник, - только что уехал.
- Гоголь** - Вот тебе раз!
- Гофман** - Да, - прибавил привратник, - оно и не так давно, по уехал. Минуточкой бы пришли раньше, то, может, застали бы дома.
- Гоголь** Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом: - Пошел!
- Шиллер** - Куда?
- Гоголь** - Пошел прямо!
- Шиллер** - Как прямо? тут поворот: направо или налево?

Плоскость VII.
«газетная экспедиция»

- Шиллер** Итак, он, решив на этом, велел извозчику ехать в газетную экспедицию и во всю дорогу не переставал его тузить кулаком в спину, приговаривая: "Скорей, подлец! скорей, мошенник!" - "Эх, барин!" - говорил извозчик, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, как на болонке. Дрожки наконец остановились, и Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник, в старом фраке и очках, сидел за столом и, взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.
(- Кто здесь принимает объявления?)
- Гоголь** - Кто здесь принимает объявления? А, здравствуйте!
- Гофман** -Мое почтение, -
- Гоголь** - Я желаю припечатать...
- Гофман** - Позвольте. Прошу немножко повременить, -
Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола, с запискою в руках, и почел приличным показать свою общежительность:
- Шиллер** - Поверите ли, сударь, что собачонка не ст'оит восьми гривен, то есть я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-богу, любит, - и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем не совместны: уж когда охотник, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалей пятисот, тысячу дай, но зато уж чтоб была собака хорошая.
- Гофман** ...сколько букв принесенной записке?
- Гоголь** ...отпускается в услужение кучер трезвого поведения;
- Шиллер** ...малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа;

- Гоголь** ...отпускается дворовая девка девятнадцати лет, упражнявшаяся в прачечном деле, годная и для других работ;
- Шиллер** ...прочные дрожки без одной рессоры;
- Гоголь** ...молодая горячая лошадь в серых яблоках,
- Шиллер** ...семнадцати лет от роду;
- Гоголь** ...новые, полученные из Лондона, семена репы и редиса;
- Шиллер** ...дача со всеми угодьями: двумя стойлами для лошадей
- Гоголь** ...и местом, на котором можно развести превосходный березовый или еловый сад;
- Гофман** там же находился вызов желающих купить старые подошвы, с приглашением явиться к переторжке каждый день от восьми до трех часов утра.
- Гоголь** Комната, в которой местилось все это общество, была маленькая, и воздух в ней был чрезвычайно густ; но коллежский асессор Ковалев не мог слышать запаха, потому что закрылся платком и потому что самый нос его находился бог знает в какие места.
- Милостивый государь, позвольте вас попросить... Мне очень нужно...
- Гофман** - Сейчас, сейчас! Два рубля сорок три копейки! Сию минуту! Рубль шестьдесят четыре копейки! - говорил седовласый господин, бросая старухам и дворникам записки в глаза. - Вам что угодно?
- Гоголь** - Я прошу, - случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение.
- Шиллер** - Позвольте узнать, как ваша фамилия?
- Гоголь** - Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани! Вы

можете просто написать: коллежский ассессор, или, еще лучше, состоящий в майорском чине.

Гофман - А сбежавший был ваш дворовый человек?

Гоголь - Какое дворовый человек? Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня... нос...

Гофман - Гм! какая странная фамилия! И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?

Гоголь - Нос то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Черт хотел подшутить надо мною!

Шиллер - Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.

Гоголь - Да я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. И потому я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил его немедленно ко мне в самом скорейшем времени. Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не то что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог - и никто не увидит, если его нет. Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться.

Гофман - Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, - сказал он наконец после долгого молчания.

Гоголь - Как? отчего?

Шиллер - Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... И так уже говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов.

Гоголь - Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ничего нет такого.

Шиллер - Это вам так кажется, что нет. А вот на прошлой неделе такой же был случай. Пришел чиновник таким же образом, как вы теперь пришли, принес записку,

Гофман ...денег по расчету пришлось два рубля семьдесят три копейки,

- Шиллер** и все объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти. Кажется, что бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот был казначей, не помню какого-то заведения.
- Гоголь** - Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе.
- Гофман** - Нет, такого объявления я никак не могу поместить.
- Гоголь** - Да когда у меня точно пропал нос!
- Гофман** - Если пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. Но, впрочем, я замечаю, что вы должны быть человек веселого нрава и любите в обществе пошутить.
- Гоголь** - Клянусь вам, вот как бог свят! Пожалуй, уж если до того дошло, то я покажу вам.
- Гофман** - Зачем беспокоиться! - продолжал чиновник, нюхая табак. - Впрочем, если не в беспокойство, - прибавил он с движением любопытства, - то желательно бы взглянуть.
- Шиллер** - В самом деле, чрезвычайно странно! Место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин. Да, до невероятности ровное!
- Гоголь** - Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен; и очень рад, что этот случай доставил мне удовольствие с вами познакомиться...
- Гофман** - Напечатать-то, конечно, дело небольшое, только я не предвижу в этом никакой для вас выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать это как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в "Северной пчеле" (тут он понюхал еще раз табак) для пользы юношества (тут он утер нос) или так, для общего любопытства.
- Шиллер** - Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо.
Говоря это, чиновник поднес Ковалеву табакерку, довольно ловко

подвернув под нее крышку с портретом какой-то дамы в шляпке.

Плоскость VIII.
«охотник до сахару»

- Гоголь** - Я не понимаю, как вы находите место шуткам... Разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак! Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе. Сказавши это, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахару.
- Гофман** На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами..,
- Шиллер** ...которые нанесли к нему из дружбы купцы.
- Гоголь** Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам,
- Гофман** ...и грозную треугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сыночек его;
- Гоголь** и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкусить удовольствия мира.
- Гофман** Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крикнул и сказал:
- Гоголь** "Эх, славно засну два часика!"
- Гофман** И потому можно было предвидеть, что приход коллежского асессора был совершенно не вовремя;
- Шиллер** и не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно.
- Гоголь** Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей, но государственную ассигнацию предпочитал всему. "Это вещь, - обыкновенно говорил он, - уж нет ничего лучше

этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь - не расшибется".

- Гофман** Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что...
- Гоголь** ...после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть
- Шиллер** ...из этого коллежский асессор мог видеть, что частному приставу были небезызвестны изречения древних мудрецов...
- Гоголь** ...что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам.
- Гофман** То есть не в бровь, а прямо в глаз!
- Шиллер** Нужно заметить, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить все, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Он даже полагал, что в театральных пьесах можно пропускать все, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать.
- Гофман** Прием частного так его сконфузил, что он потрянул головою и сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: "Признаюсь, после этаких обидных с вашей стороны замечаний я ничего не могу прибавить..."
- Шиллер** ...и вышел.

Плоскость IX.

«опыты действия магнетизма»

- Шиллер** Он приехал домой, едва слыша под собою ноги. Были уже сумерки. Печальною...
- Гофман** ...или чрезвычайно гадкою ...
- Шиллер** показалась ему квартира после всех этих неудачных исканий. Взошедши в переднюю, увидел он на кожаном запачканном диване лакея своего Ивана, который, лежа на спине, плевал в потолок

и попадал довольно удачно в одно и то же место. Такое равнодушие человека взбесило его; он ударил его шляпою по лбу, примолвив:

Гоголь "Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!"

Гофман Экой пасквильный вид.

Шиллер Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка часы или что-нибудь подобное; но пропасть, и кому же пропасть!

Гофман И притом ещё на собственной квартире.

Гоголь - Боже мой! боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги - все бы это лучше; будь я без ушей - скверно, однако ж всеноснее; но без носа человек - черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, - просто возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что ни про что, пропал даром, ни за грош!.. Только нет, не может быть, - - Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. Иван, дурак, не принял, и я, верно, хватил ее.

Откуда я?
Зачем я здесь стою?
Что я вижу?
Где же я?
Ну попробую по пальцам
Все предметы перечесть.
(считает по пальцам)
Табуретка столик бочка
Ведро кукушка почка
Метла сундук рубашка
Мяч кузница букашка
Дверь на петле
Рукоятка на метле
Четыре кисточки на платке
Восемь кнопок на потолке.

Оставшись один, я решился заняться делами

государственными. Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай. Но меня, однако же, чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть завтра. Завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокойство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны. Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия. Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак, никакого понятия не имеет о луне. Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос. И оттого самая луна - такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы. И по тому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне. И когда я вообразил, что земля вещество тяжелое и может, насевши, размолоть в муку носы наши, то мною овладело такое беспокойство, что я, надевши чулки и башмаки, поспешил в залу государственного совета, с тем чтоб дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну. Бритые гранды, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный, и когда я сказал: "Господа, спасем луну, потому что земля хочет сесть на нее",- то все в ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желание, и многие полезли на стену, с тем чтобы достать луну; но в это время вошел великий канцлер. Увидевши его, все разбежались. Я, как король, остался один. Но канцлер, к удивлению моему, ударил меня палкою и прогнал в мою комнату. Таковую имеют власть в Испании народные обычаи.

Плоскость X.
«штаб-офицерша Подточина»

- Шиллер** Майор Ковалев, сообразя все обстоятельства, предполагал едва ли не ближе всего к истине, что виною этого должен быть не кто другой, как штаб-офицерша Подточина, которая желала, чтобы он женился на ее дочери.
- Гофман** Он и сам любил за нею приволокнуться, но избегал окончательной разделки.

- Шиллер** Когда же штаб-офицерша объявила ему напрямик, что она хочет выдать ее за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами, сказавши, что еще молод, что нужно ему прослужить лет пяток, чтобы уже ровно было сорок два года.
- Гофман** И потому штаб-офицерша, верно из мщения, решила его испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб, потому что никаким образом нельзя было предположить, чтобы нос был отрезан: никто не входил к нему в комнату; цирюльник же Иван Яковлевич брил его еще в среду, а в продолжение всей среды и даже во весь четверг нос у него был цел - это он помнил и знал очень хорошо; притом была бы им чувствуема боль, и, без сомнения, рана не могла бы так скоро зажить и быть гладкою, как блин.
- Шиллер** Он строил в голове планы: звать ли штаб-офицершу формальным порядком в суд или явиться к ней самому и уличить ее. Размышления его прерваны были светом, блеснувшим сквозь все скважины дверей, который дал знать, что свеча в передней уже зажжена.

Плоскость XI.

«свеча в передней уже зажжена»

- Гоголь** - Здесь ли живет коллежский асессор Ковалев?
- Гофман и Шиллер** - Войдите. Майор Ковалев здесь,
- Гоголь** Вошел полицейский чиновник красивой наружности, с бакенбардами не слишком светлыми и не темными, с довольно полными щеками,
- Гофман** ...тот самый,
- Шиллер** ...который в начале повести стоял в конце Исакиевского моста.
- Гоголь** - Вы изволили затерять нос свой?
- Гофман и Шиллер** - Так точно.

Гоголь - Он теперь найден.

Гофман и Шиллер - Что вы говорите?

Шиллер Радость отняла у него язык.

Гофман Он глядел в оба на стоявшего перед ним квартального,

Гоголь ...на полных губах и щеках которого ярко мелькал трепетный свет свечи.

Гофман и Шиллер - Каким образом?

Гоголь - Станным случаем: его перехватили почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать в Ригу.

Шиллер Слышите, в Ригу!

Гофман В Пензу, видите ли, не поехал...

Шиллер О, это тонкая шельма.

Гоголь И паспорт давно был написан на имя одного чиновника. И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос. Ведь я близорук, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видит.

Шиллер - Где же он?

Гофман - Где?

Шиллер -Я сейчас побегу.

Гоголь - Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, принес его с собою. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цирюльник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей. Я давно подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он в одной лавочке бортище пуговиц. Нос ваш совершенно таков, как был.

Гофман - Так, он!

Гоголь - Точно, он!

Шиллер Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

Гоголь - Почел бы за большую приятность, но никак не могу: мне нужно заехать отсюда в смиренный дом... Очень большая поднялась дороговизна на все припасы... Наши почти все разъехались: Пушкин в деревню, Вяземский за границу. Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа.

Гофман Александровская колонна?

Шиллер Сооружена в честь императора Александра освободителя. Служит образцом гармонических пропорций.

Гоголь Офицеры и солдатов страшное множество, и русских и голландских и австрийских. Говядина ви водка вздорожали страшно. У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды: очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких... Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который, расшаркавшись, вышел за дверь, и в ту же почти минуту Ковалев слышал уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего с своею телегою как раз на бульвар.

Гофман - Так, он,

Шиллер - точно он...

Гофман Вот и прыщик на левой стороне,

Шиллер вскочивший вчерашнего дня.

Гофман и Шиллер - А что, если он не пристанет?

Гоголь - А что, если он не пристанет?
При таком вопросе, сделанном самому себе, майор побледнел. С чувством неизъяснимого страха бросился он к столу, придвинул

зеркало, чтобы как-нибудь не поставить нос криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложил он его на прежнее место. О ужас! Нос не приклеивался!.. Он поднес его во рту, нагрел его слегка своим дыханием и опять поднес к гладкому месту, находившемуся между двух щек; но нос никаким образом не держался. - Ну! ну же! полезай, дурак! - говорил он ему. Но нос был как деревянный и падал на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка. Лицо майора судорожно скривилось. - Неужели он не прирастет? - говорил он в испуге. Но сколько раз ни подносил он его на его же собственное место, старание было по-прежнему неуспешно.

Плоскость XII. «прекрасные смолистые бакенбарды»

- Шиллер** Он кликнул Ивана и послал его за доктором, который занимал в том же самом доме лучшую квартиру в бельэтаже. Доктор этот был видный из себя мужчина, имел прекрасные смолистые бакенбарды, свежую, здоровую докторшу, ел поутру свежие яблоки и держал рот в необыкновенной чистоте, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разными родов щеточками.
- Гоголь** Доктор явился в ту же минуту. Спросивши..,
- Шиллер** ...как давно случилось несчастье,
- Гоголь** ...он поднял майора Ковалева за подбородок и дал ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос, так что майор должен был откинуть свшо голову назад с такою силою, что ударился затылком в стену. Медик сказал, что...
- Шиллер** ...это ничего,
- Гоголь** и, посоветовавши отодвинуться немного от стены, велел ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то место, где прежде был нос, сказал:
- Шиллер** "Гм!"
- Гоголь** Потом велел ему перегнуть голову на левую сторону и сказал:
- Шиллер** "Гм!"

- Гоголь** - и в заключение дал опять ему большим пальцем щелчка, так что майор Ковалев дернул головою, как конь, которому смотрят в зубы. Сделавши такую пробу, медик покачал головою и сказал:
- Шиллер** - Нет, нельзя. Вы уж лучше так оставайтесь, потому что можно сделать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вам сейчас приставил его; но я вас уверяю, что это для вас хуже.
- Гоголь** - Вот хорошо! как же мне оставаться без носа? Уж хуже не может быть, как теперь. Это просто черт знает что! Куда же я с такою пасквильностью покажуся? Я имею хорошее знакомство; вот и сегодня мне нужно быть на вечере в двух домах.
- Гофман** Я со многими знаком: статская советница Чехтарева, Подточина - штаб-офицерша...
- Гоголь** ...хоть после теперешнего поступка ее я не имею с ней другого дела, как только чрез полицию. Сделайте милость, - произнес Ковалев умоляющим голосом, - нет ли средства? как-нибудь приставьте; хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою в опасных случаях. Я же притом и не танцую, чтобы мог вредить каким-нибудь неосторожным движением. Все, что относится насчет благодарности за визиты, уж будьте уверены, сколько дозволят мои средства...
- Шиллер** - Верите ли, - сказал доктор ни громким, ни тихим голосом, но чрезвычайно уветливым и магнетическим, - что я никогда из корысти не лечу. Это противно моим правилам и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно с тем только, чтобы не обидеть моим отказом. Конечно, я бы приставил ваш нос; но я вас уверяю честью, если уже вы не верите моему слову, что это будет гораздо хуже. Предоставьте лучше действию самой природы. Мойте чаще холодною водою, и я вас уверяю, что вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его. А нос я вам советую положить в банку со спиртом или, еще лучше, влить туда две столовые ложки острой водки и подогретого уксуса, - и тогда вы можете взять за него порядочные деньги.
- Гофман** Слышали? Это нос-то, точно какого-нибудь уroda из кунсткамеры что ли?
- Шиллер** Я даже сам возьму его, если вы только не подорожитесь.

Гоголь - Нет, нет! ни за что не продам! Лучше пусть он пропадет!

Шиллер - Извините! Я хотел быть вам полезным... Что ж делать! По крайней мере, вы видели мое старание. Сказавши это, доктор с благородною осанкою вышел из комнаты. Ковалев не заметил даже лица его и в глубокой бесчувственности видел только выглядывавшие из рукавов его черного фрака рукавчики белой и чистой, как снег, рубашки.

Плоскость XIII.
«Филипп Иванович Потанчиков»

Гофман Он решился на другой же день, прежде представления жалобы, писать к штаб-офицерше, не согласится ли она без бою возвратить ему то, что следует. Письмо было такого содержания:

"Милостивая государыня Александра Григорьевна!
Не могу понять странного со стороны вашей действия. Будьте уверены, что, поступая таким образом, ничего вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой. Внезапное его отделение с своего места, побег и маскирование, то под видом одного чиновника, то, наконец, в собственном виде, есть больше ничего, кроме следствие волхвований, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях. Я с своей стороны почитаю долгом вас предупредить: если упоминаемый мною нос не будет сегодня же на своем месте, то я принужден буду прибегнуть к защите и покровительству законов. Впрочем, с совершенным почтением к вам имею честь быть. Ваш покорный слуга
Платон Ковалев".

"Милостивый государь Платон Кузьмич!
Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я, признаюсь вам по откровенности, никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей. Предупреждаю вас, что я чиновника, о котором упоминаете вы, никогда не принимала у себя в доме, ни замаскированного, ни в настоящем виде. Бывал у меня, правда, Филипп Иванович Потанчиков. И хотя он, точно, искал руки моей дочери, будучи сам хорошего, трезвого поведения и великой

учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носе. Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам формальный отказ, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения, и если вы теперь же посвтаетесь на моей дочери законным образом, я готова сей же час удовлетворить вас, ибо это составляло всегда предмет моего живейшего желания, в надежде чего остаюсь всегда готовою к услугам вашим

Александра Подточина".

"Нет, - говорил Ковалев, пропитавши письмо.- Она точно не виновата. Не может быть! Письмо так написано, как не может написать человек, виноватый в преступлений.- Коллежский асессор был в этом сведущ потому, что был посылан несколько раз на следствие еще в Кавказской области.- Каким же образом, какими судьбами это приключилось? Только черт разберет это!" - сказал он наконец, опустив руки.

Плоскость XIV.

«необходимые посетители раутов»

Шиллер Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице, и, как водится, не без особенных прибавлений. Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты действия магнетизма. Притом история о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. Сказал кто-то, что нос будто бы находился в магазине Юнкера - и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция

вступить. Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами, продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, нарочно поделал прекрасные деревянные прочные скамьи, на которые приглашал любопытных становиться за восемьдесят копеек от каждого посетителя. Один заслуженный полковник нарочно для этого вышел раньше из дому и с большим трудом пробрался сквозь толпу; но, к большому негодованию своему, увидел в окне магазина вместо носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку с изображением девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшою бородкою, - картинку, уже более десяти лет висящую все на одном месте. Отошед, он сказал с досадою: "Как можно такими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народ?" Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хозрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы. Некоторые из студентов Хирургической академии отправились туда. Одна знатная, почтенная дама просила особенным письмом смотрителя за садом показать детям ее этот редкий феномен и, если можно, с объяснением наставительным и назидательным для юношей. Всем этим происшествиям были чрезвычайно рады все светские, необходимые посетители раутов, любившие смешить дам, у которых запас в то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенных и благонамеренных людей была чрезвычайно недовольна. Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки, и что он удивляется, как не обратит на это внимание правительство. Господин этот, как видно, принадлежал к числу тех господ, которые желали бы впутать правительство во все, даже в свои ежедневные ссоры с женою. Вслед за этим...

Гофман ...но здесь вновь все происшествие скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно.

Плоскость XV.
«система Ивана Яковлевича»

Гоголь Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого

правдоподобия: вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шума в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между двух щек майора Ковалева. Это случилось уже апреля седьмого числа. Проснувшись и нечаянно взглянув в зеркало, видит он: нос! - хватя рукою - точно нос! "Эге!" - сказал Ковалев и в радости чуть не дернул по всей комнате босиком тропака, но вошедший Иван помешал. Он приказал тот же час дать себе умыться и, умываясь, взглянул еще раз в зеркало: нос! Вытираясь утиральником, он опять взглянул в зеркало: нос! «- А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик».

- Шиллер** Вот беда, как Иван скажет: да нет, судырь, не только прыщика, и самого носа нет!"
- Гоголь** Но Иван сказал: - Ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!
- Гофман** Хорошо, черт побери! - сказал сам себе майор и щелкнул пальцами.
- Гоголь** В это время выглянул в дверь цирюльник Иван Яковлевич, но так боязливо, как кошка, которую только что высекли за кражу сала.
- Гофман** - Говори вперед: чисты руки?
- Гоголь** - Чисты.
- Гофман** - Врешь!
- Гоголь** - Ей-богу-с, чисты, судырь.
- Гофман** - Ну, смотри же.
- Шиллер** Ковалев сел. Иван Яковлевич закрыл его салфеткою и в одно мгновение с помощью кисточки превратил всю бороду его и часть щеки в крем, какой подают на купеческих именинах.
- Гоголь** "Вишь ты! - сказал сам себе Иван Яковлевич, взглянувши на нос, и потом перегнув голову на другую сторону и посмотрел на него сбоку.- Вона! эх его, право, как подумаешь", - продолжал он и долго смотрел на нос.
- Шиллер** Наконец легонько, с бережливостью, какую только можно себе вообразить, он приподнял два пальца, с тем чтобы поймать его за кончик.

- Гоголь** Такова уж была система Ивана Яковлевича.
- Гофман** - Ну, ну, ну, смотри!
- Гоголь** «Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще казалось, как будто чей-то знакомый, Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича...»
- Гофман** - Ну, ну, ну, смотри!
- Гоголь** «Иван Яковлевич и руки опустил, оторопел и смутился, как никогда несмущался. Наконец осторожно стал он щекотать бритвой у него под бородою; и хотя ему было совсем несподручно и трудно брить без придержки за нюхательную часть тела, однако же, кое-как упираясь своим шероховатым большим пальцем ему в щеку и в нижнюю десну, наконец одолел все препятствия и выбрил».

Плоскость XVI.
«когда все было готово»

- Гофман** Когда все было готово, Ковалев поспешил тот же час одеться, взял извозчика и поехал прямо в кондитерскую. Входя, закричал он еще издали: "Мальчик, чашку шоколаду!" - а сам в ту же минуту к зеркалу: есть нос! Он весело оборотился назад и с сатирическим видом посмотрел, несколько прищуря глаз, на двух военных, у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы. После того отправился он в канцелярию того департамента, где хлопотал об вице-губернаторском месте, а в случае неудачи об эскуторском. Проходя чрез приемную, он взглянул в зеркало: есть нос! Потом поехал он к другому коллежскому асессору, или майору, большому насмешнику, которому он часто говорил в ответ на разные занозистые заметки: "Ну, уж ты, я тебя знаю, ты шпилька!" Дорогою он подумал: "Если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что все, что ни есть, сидит на своем месте".

Шиллер и Гоголь Но коллежский асессор ничего.

- Гофман** "Хорошо, хорошо, черт побери!" - подумал про себя Ковалев. На дороге встретил он штаб-офицершу Подточину вместе с дочерью, раскланялся с ними и был встречен с радостными восклицаньями: стало быть, ничего, в нем нет никакого ущерба. Он разговаривал с ними очень долго и, нарочно вынувши табакерку,

набивал пред ними весьма долго свой нос с обоих подъездов, приговаривая про себя: "Вот, мол, вам, бабье, куриный народ! а на дочке все-таки не женюсь. Так просто, *rag amour*1, - изволь!"

- Шиллер** И майор Ковалев с тех пор прогуливался как ни в чем не бывало и на Невском проспекте, и в театрах, и везде.
- Гоголь** И нос тоже как ни в чем не бывало сидел на его лице, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонам.
- Шиллер** И после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам
- Гоголь** ...и даже остановившегося один раз перед лавочкой в Гостином дворе и покупавшего какую-то орденскую ленточку,
- Шиллер** ...неизвестно для каких причин, потому что он сам не был кавалером никакого ордена.

Плоскость XVII.
«вот такая история»

- Гофман** Вот какая история случилась в северной столице нашего обширного государства!
- Гоголь** Теперь только, по соображении всего, видим, что в ней есть много неправдоподобного.
- Гофман** Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника,
- Гоголь** - как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, чтобы мне казалось дорого заплатить за объявление: это вздор, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей. Но неприлично, неловко, нехорошо!
- Гофман** И опять тоже - как нос очутился в печеном хлебе и как сам Иван Яковлевич?..
- Гоголь** нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю!

- Шиллер** Но что страннее, что непонятнее всего, - это то, как авторы могут брать подобные сюжеты.
- Гоголь** Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых...
- Шиллер** - но и во-вторых тоже нет пользы.
- Гофман** Просто я не знаю, что это...
- Гоголь** А, однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже...
- Шиллер** - ну да и где ж не бывает несообразностей?..
- Гофман** А все, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то.
- Гоголь** Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете,
- Гофман** Редко...
- Гоголь** Но бывают.

- Шиллер** А что вы скажите о художественной совести природы, когда, не довольствуясь тем, что из сложенной бабочки Калиммы она делает удивительное подобие сухого листа с жилками и стебельком, она кроме того на этом «осеннем» крыле прибавляет сверхштатное воспроизведение тех дырочек, которые проедают именно в таких листьях жучки-личинки? «Естественный отбор» в грубом смысле Дарвина не может служить объяснением постоянно встречающегося математически невероятного совпадения хотя бы только трех факторов подражания в одном существе – формы, окраски и поведения (т.е. костюма, грима и мимики); с другой же стороны и борьба за существование ни при чем т.к. подчас защитная уловка доведена до такой точки художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага – птицы, что ли или ящерицы: обманывать, значит, некого, кроме разве начинающего натуралиста...

КОНЕЦ.